Вне поля зрения остается обычно руническая надпись на ларце, хотя она, как представляется, может иметь отношение к глубинному содержанию образа Вёлунда: hronæs ban / fiscflodu ahof on ferg enberig / warth gasric grorn thær he on greut giswom «Моржа кости / рыбный поток поднял на гору (гористый берег)/, море взволновалось, когда он в гальке (на дне) плавал», поскольку речь идет о морском чудовище, напоминающем путешествие Вёлунда в бревне по морю (ср. характерный набор объектов — море, гора).

Разыгрывание «змеиной» темы по отношению к Вёлунду осуществляется также при помощи мотива п о л е т а, репрезентированного в Vkv. 38: Hlæiandi vǫlundr hófz at lopti «Смеясь, Вёлунд поднялся в воздух», в восклицании Нидуда (Vkv. 37): erat svá maðr... ǫflugr, at þic neðan scióti, /þar er þú scollir við scý uppi «нет такого человека ... могучего, который тебя подстрелил бы, когда ты паришь высоко в небе», в рассказе об оперении (fiaðrhamr) Вёлунда, позволившем ему избавиться от неволи (Þrs., с. 129). Мотив полета вызывает существенные сложности при интерпретации. При его анализе выдвигались две основные версии стимулов к движению — кольцо, наделенное магической силой, дающей возможность улететь (так называемое Flugring), похищенное у Вёлунда Нидудом и отобранное им у Бёдвильд, или «летающие одежды», оперение. Первый вариант давно уже признается устаревшим, а второй кажется слишком нарочитым, логическим, рационалистичным и противоречащим мифопоэтической основе Вёлунда. Остается предположить, что потенции к полету были и з н а ч а л ь н о заложены в природе Вёлунда — змея (дракона), и лишь постепенное забвение мифопоэтических истоков вызвало необходимость в его мотивировке.

«Змеиный» код Вёлунда реализуется при помощи числовой символики, в частности маркированности ‘д е в я т и’ и кратных чисел: в д е в я т ь лет Вёлунд отдается в учение Мимиру, на д е в я т ы й год его покидает валькирия. Именно это число ассоциируется с представлениями о змеях, зафиксированными в различных индоевропейских традициях. Ср. *девять, девяносто девять* змей в русских заговорах, *девять* детей Громовержца «фактически часто — его противника-змея» [13, с. 11], «Вритра лежал *девяносто девятью* изгибами там, где его убил Индра» [9], «Прошел (Тор) *девять* шагов, усталый от змея» («Прорицание вёльвы», 56), где каждый шаг Тора соответствует изгибу змея.

«Змеиные» черты Вёлунда могут трактоваться отчасти и в рамках широко распространенной мифологемы «кузнец — змей» [6]. В различных мифопоэтических традициях кузнец занимает амбивалентное положение. Его «отрицательный» аспект проявляется, например, в пребывании в нижнем мире (ср. обучение Вёлунда ремеслу в горе у карликов), связи с волком (ср. Úlfdalir, Úlfsjár в Vkv). Облик кузнеца сближает его с хтоническими существами (ср. хромоту Вёлунда). Сверхъестественная сила кузнеца, коренящаяся в магической обработке металла, по-видимому, также имеет демонический характер [15, т. 2, с. 21].

Сведения о змеиной ипостаси Вёлунда, почерпнутые благодаря реконструкции некоторых германских мотивов, получают убедительное подтверждение и на индоевропейской почве: имеется в виду кодирование «змеиной» темы при помощи и.-е. *ǵel-, *ǵol-, ср. *волосатик* ‘змееобразный червь’ на фоне *Велеса, Волоса*, «миниатюру Радзивилловской летописи, где изображается сцена клятвы Олега «Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом», Перуну соответствует антропоморфный образ, а Волосу — змея у ног Олега» [5, с. 53], или гипотезу об «идентичности Velnias'a с blukas'ом (букв. ‘бревно, колода’), представляющим собой стилизованное изображение змея». Таким образом, «змеиный» пласт

[6] Ср. микросюжет, «восстанавливаемый ... по украинским источникам ... как кузнец ... запрягает в плуг Змея ... и заставляет его вспахать Змиев вал» [14, с. 153] или о кузнеце Регине и его брате змее Фафнире.